

Для цитирования: Осипов О. В.,
Аверьянова Д. В. Православная церковь
современной России
в системе гражданского общества//
Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 15—29.

УДК 316.42

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Осипов Олег Викторович,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заместитель директора филиала,
доцент кафедры политологии,
истории и философии,
кандидат исторических наук,
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Аверьянова Дарья Валерьевна,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
аналитик, научный сотрудник лаборатории
прикладной политологии и социологии.
Российская Федерация,
454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Аннотация

Введение. Происходящие социокультурные трансформации обуславливают тот факт, что в настоящее время проблема развития взаимоотношений российского государства и традиционных религиозных объединений превращается в один из наиболее актуальных трендов для российского социума. Именно поэтому в статье поднимается вопрос, связанный с ролью и местом Церкви в жизни российского общества и сам институт Церкви (приоритет рассмотрения — Русская Православная Церковь Московского патриархата — далее РПЦ) рассматривается и анализируется как субъект гражданского общества. Рассматриваются ключевые тренды взаимоотношений государства и традиционных религиозных объединений, представленных в России.

Научная новизна исследования. Научная новизна обусловлена комбинированным изучением роли и места Церкви в структуре гражданского общества, изменения степени участия церкви в различных сферах государственной и общественной жизни. Феноменологический анализ позволяет рассмотреть, насколько корректно отнесение Церкви к субъектам гражданского общества, на материалах социологических исследований демонстрируется роль и место Церкви в структуре гражданского общества, в общественном сознании фиксируется доминирование точки зрения о наличии влияния Церкви на общественную жизнь и политику российского государства.

Цель статьи — на основе анализа законодательства, данных социологических исследований раскрыть роль Церкви в структуре российского гражданского общества, показать что «роднит» Церковь с гражданским обществом и что делает их чуждыми друг другу, что между ними общего, кроме того, что они являются социальными институтами, и каковы их системные различия. Продемонстрировать, как выстраиваются отношения государства и традиционных религиозных объединений в условиях современности.

Методы: феноменологический анализ, сущностный и системный анализ, обобщение независимых характеристик, социологическое исследование.

Результаты. Проведенный анализ фиксирует роль и место института Церкви в субъектности гражданского общества, анализ данных социологических исследований демонстрирует преобладание в общественном сознании мнения о том, что Церковь в той или иной мере влияет не только на общественную жизнь, но и на политику российского государства. Анализ тенденций развития российского социума и государства зафиксировал преобладание влияния Русской Православной Церкви среди иных Церквей в общественной жизни.

Ключевые понятия:

институт Церкви,
Русская Православная Церковь (РПЦ),
гражданское общество,
субъект гражданского общества,
социальный институт,
традиционные религиозные объединения.

В последние годы мы наблюдаем серьезную актуализацию вопроса, связанного с ролью и местом Церкви в жизни российского социума. События минувшего года, к оценке которых в обществе сформировались полярные точки зрения, заставили по-новому взглянуть и на вопрос, какое место в настоящее время занимает церковь в российском гражданском обществе, а также то, насколько церковь как его субъект и социальный институт самостоятельна и независима от государства, де-факто и де-юре.

Церковь является одним из самых популярных субъектов гражданского общества и, вместе с тем, наиболее обсуждаемым и полемичным, поскольку зачастую ее называют не ее элементом, а связующим звеном между государством и гражданском обществом. В контексте изучения субъектов и институтов гражданского общества наиболее дискуссионным является как раз вопрос о Церкви как субъекте гражданского общества, ее влиянии на процесс формирования гражданского общества, на развитие гражданской активности населения. Тезис о том, что для понимания трансформаций базовых социальных институтов необходимо анализировать роль религиозных организаций кажется вполне логичным.

В настоящее время ни у кого из исследователей не вызывает сомнений тот факт, что проблема развития взаимоотношений российского государства и традиционных религиозных объединений, а особенно РПЦ превращается в один из актуальных трендов для российского социума.

Во многих научных работах, посвященных этому сегменту общественных отношений, отмечается чрезвычайная актуальность проблематики: «Отношения с ней (с церковью — *прим. авт.*) политической власти, государственного аппарата — существенная часть отношений с развивающимся гражданским обществом. От характера этих отношений во многом зависит, установится или не установится диалог между обществом и властью, а, следовательно, гражданский мир и согласие. Оптимальная модель государственной политики в сфере отношений с конфессиями позволит новой российской государственности расширить свою социальную базу за счет верующих граждан» [15, с. 17].

Российский политолог Н. А. Рудыка выделяет три слоя гражданского общества, первый из которых включает в себя отношения, связанные с обеспечением жизнедеятельности общества, второй — социокультурные отношения, а третий, верхний слой гра-

жданского общества образуют отношения, связанные с индивидуальным выбором, политическими и культурными предпочтениями, ценностными ориентациями [9, с. 68]. Именно этот слой гражданского общества, по мнению автора, включает в себя наиболее социально активные институты, среди которых значительное место занимает РПЦ. И этот институт на современном этапе развития, нельзя характеризовать как систему внеполитических общественных отношений, поскольку по своей сути он представляет собой систему социально-политических, религиозных, духовно-нравственных, семейных и других отношений, которые выражают волю граждан общества.

Основываясь на заявлении патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, отметившего, что «смысл всей деятельности Церкви, в том числе диалога с обществом, — это желание утвердить в жизни людей традиционные духовно-нравственные ценности, без которых немислим гражданский мир и развитие»¹, религиовед, доцент НИУ ВШЭ Б. К. Кнорре делает вывод, что РПЦ представляет собой самостоятельную силу, ориентированную по большей части на свою внутреннюю независимую мотивацию от государственных инструкций, то есть, по сути, является частью гражданского общества.

Институциональные признаки субъектов гражданского общества носят амбивалентный характер. Аккумулируя все имеющиеся на сегодняшний день взгляды признанных специалистов, исследователей феномена гражданского общества (как отечественных, так и зарубежных), отметим наиболее часто встречающиеся: независимость от государства, но легальная основа деятельности, соответствие нормам прав, законодательства государства; социальность, «направленность на общественное благо», социальное партнерство с государством; горизонтальный характер связей; гражданственность, солидарность, доверие, «уважение к иному»; самореализация, активность, инициативность.

Существуют разные позиции в вопросе институционализации гражданского общества в современной России. Одни исследователи отмечают позитивные характеристики и последствия этого процесса, другие называют негативные моменты. Так, например, Л.И. Якобсон, видит возможные негативные последствия этого процесса. Парадоксаль-

¹ Сегодня, как и 400 лет назад, идеи солидарности и заботы об общем могут и призваны стать скрепой нашего общества : интервью ИТАР_ТАСС. URL: <https://vrns.ru/history/707>.

но, но факт, утверждает он, что субъекты гражданского общества, будучи по сути организациями, выстраивают иерархию, в том числе должностную, разделяют сферы ответственности, вводят документооборот, ищут пути финансирования своей деятельности за рамками пожертвований и добровольных взносов («гражданские менеджеры неизбежно становятся коммерческими менеджерами по целям и мотивации»). Во всех этих случаях организации гражданского общества утрачивают свою «гражданскую невинность», особенно принимая во внимание российский государственно-патерналистский менталитет, постоянное смешение понятий и практик «свободы» и «воли».

Не все просто и однозначно и с пониманием структуры гражданского общества, его элементов. Интересную точку зрения высказывают С. Г. Зырянов и А. Н. Лукин, отмечая, что «одна и та же организация может либо входить в гражданское общество в качестве его элемента, либо нет, в зависимости от характера ее связей с другими социальными институтами» [6, с. 8].

В современной России религиозные организации, особенно отнесенные к категории «традиционных», играют все более важную роль, проникая в различные сферы жизни, предлагая свои потенциалы для решения проблем и вопросов, считающимися традиционными для субъектов гражданского общества.

Чего только стоят последние инициативы власти по введению духовно-нравственного воспитания в школах, института военного и морского духовенства в Вооруженных Силах РФ, введение теологии в высшем образовании. И здесь вполне уместным является вопрос о том, не приведет ли такого рода политика к обмирщению Церкви и клерикализации государства?

При анализе имеющейся социологической информации возникает вопрос: является ли в настоящее время институт Церкви институтом гражданского общества? Исследователи отвечают на него по-разному, достаточно амбивалентно.

Что «роднит» Церковь с гражданским обществом и что делает их чуждыми друг другу, что между ними общего, кроме того, что они являются социальными институтами, и каковы их системные различия?

Первый институт — один из самых древних, если не самый древний, во всяком случае, на дорелигиозном, мифологическом уровне он древнее института государства. Второй, в современном его понимании, как третий сектор, один из самых молодых.

Оба — «не государство», и эта их системная черта позволяет ряду исследователей относить Церковь к институтам гражданского общества. Оба взаимодействуют с государством, для которого институт Церкви значительно более прогнозируем в своем функционировании, нежели институт гражданского общества. Оба в самом общем виде решают задачу совершенствования общества негосударственными средствами и методами.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», как и в «Основных положениях социальной программы российских мусульман», «Социальной позиции протестантских церквей в России», «Основах социального учения Церкви Христиан — Адвентистов Седьмого дня» и др., можно найти попытки взаимодействия с гражданским обществом: «Духовной и культурной экспансии, чреватой тотальной унификацией, необходимо противопоставить совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций ради утверждения в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ»¹. Однако эта декларация не может служить твердым основанием для безоговорочного причисления института Церкви к системе гражданского общества.

Разрабатываются пути сотрудничества Церкви и гражданского общества: «Очевидно, что западноевропейский идеал гражданского общества во многом чужд православному мировоззрению, чужд русской традиции. Замалчивать это было бы лукавством. Но это не значит, что между современным российским обществом, претендующим на звание общества гражданского, и Православной Церковью неизбежен антагонизм. Отнюдь нет!»². Как считает православный Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий: «Жесткого антагонизма между строящимся гражданским обществом и Православной Церковью можно и должно избежать... Но возможно это благополучное решение будет лишь в том случае, если при построении современного российского

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Московская патриархия. URL: <http://www.mospat.ru/ru/documents/social-concepts/xvi>.

² Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий. Современное гражданское общество и православие: компромисс или антагонизм. URL: <http://kazan.eparhia.ru/zhurnal/?ID=7223>.

гражданского общества мы в первую очередь будем опираться на свои традиционные ценности, основой и стержнем которых является Православие, заимствуя из западноевропейского и американского опыта лишь то, что не размывает их»¹ Звучит как программное положение, однако при такой формулировке есть риск стирания грани между светским гражданским обществом и религиозным сообществом.

Существует и прямо противоположная точка зрения, которую отстаивает в большинстве своих работ Л. Ю. Грудцына: «Церковь получила от государства независимость... она стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление в обществе и не может претендовать на всеобщность, зато получает полную независимость для отправления задач, возложенных на Церковь Богом» [4]. В другой работе автора можно прочесть: «Среди духовно-нравственной сферы общественных отношений в гражданском обществе важную роль играет такой социальный институт, как церковь. Церкви, религия формируют систему человеческих норм и ценностей, регулирует социальное поведение человека, его отношение к обществу, семье, другим людям. Церковь часто является хранителем национальных традиций, самобытности народа, основ морали, нравственности, культуры» [3]. Подобной точки зрения придерживается и К. Н. Костюк, докторант Католического университета г. Айхштетт (ФРГ): «Она (Церковь — *прим. авт.*) стала полноценным институтом гражданского общества, который рассматривает себя как частное явление в обществе и не может претендовать на всеобщность, зато получает полную независимость для отправления задач, возложенных на Церковь Христом»².

Очень реалистичной и одновременно конструктивной выглядит позиция В. С. Пудова, главы представительства немецкой евангелическо-лютеранской Церкви в Москве «...Церковь должна помнить о том, что заботиться о слабых можно не только путем личной или организованной благотворительности, но и путем принятия соответствующих законов. И здесь Церковь должна высказать свою общественную позицию. Необходимо понимание не только благотворительной, но и законотворческой

¹ Епископ Читинский и Забайкальский Евстафий. Современное гражданское общество и православие: компромисс или антагонизм...

² Костюк К. Н. Русская Православная Церковь в гражданском обществе. URL: <http://www.xserver.ru/user/ruszo>.

деятельности, как формы христианского служения, как любви, выраженной на уровне общества»³. Это одно из общих для Церкви и гражданского общества пространств, в котором они, выполняя свои функции, могут взаимодействовать с властью. И в этой связи, как считает А. В. Третьяков: «Со стороны государства ключевой задачей, требующей безотлагательного решения, является урегулирование правового статуса РПЦ, соответствующего ее положению, месту в обществе, позволяющего Церкви развиваться в качестве института гражданского общества, создание условий для ее общественно-полезной деятельности, конструктивного сотрудничества с государственными органами власти и управления в различных сферах жизни общества» [15, с. 3]. Хотя с этим утверждением можно поспорить в части иллюзии о том, что государство, кроме как в заявлениях с высоких трибун, будет «безотлагательно» обеспечивать условия для развития тех или иных институтов гражданского общества. В последнее время не раз отмечалось, что процесс становления гражданского общества в значительной степени объективен, интенсифицируется и благодаря, и вопреки государственной системе «сдержек и противовесов» в этом сегменте управления жизнью социума.

В настоящее время религиозная политика нашего светского государства претерпевает заметный дрейф от преимущественно атеизма и конституционно закрепленной свободы совести к публичной демонстрации приязни, особенной значимости традиционных конфессий (высших иерархов этих конфессий). Как правило, подобная политика проводится государством в интересах властных групп и характеризуется попытками использования авторитета религии в качестве инструмента насаждения необходимой общественной психологии.

Это приводит к нарушению не только прав верующих религиозных меньшинств (так называемых «нетрадиционных конфессий»), но и к игнорированию прав неверующих, атеистов. Как закономерное продолжение — подавляется свобода мировоззренческого выбора, становятся размытыми демократические принципы, являющиеся основой конституционного строя нашей страны. Правящие элиты заручаются политической поддержкой крупных религиозных организаций, и это приводит к проявлению и укоренению фактов системной

³ Пудов В. Роль верующих и церкви в построении гражданского общества. URL: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html>.

коррупции, охватывающей жизненно важные сферы жизни общества — образования, науки и законотворчества.

А методы наряду с практикой подспудной клерикализации государственных структур и системы образования предполагают использование разветвленной сети религиозных организаций в политических интересах власти. На практике получается противоречивая картина: для так называемых «традиционных религиозных организаций» существует множество льгот и фиксируются случаи финансирования, а в отношении прочих религиозных акторов можно увидеть внеправовые ограничения их деятельности и даже преследования «нетрадиционных конфессий».

Религиозная политика, проводимая в настоящее время властями, отличается попытками научнообразного ее обоснования, а в Государственную Думу РФ для ее законодательного закрепления регулярно вносятся соответствующие законопроекты и поправки. Кроме того, средствами массовой информации внедряются в общественное сознание идеи конфессионального превосходства традиционных и наиболее распространенных религий. В то же время, на остальные «навязывается» социальный ярлык — «секта».

Не согласующееся с ныне действующими конституционными нормами разделение на «традиционные» и «нетрадиционные» религии грозит разжиганием ксенофобии и нетерпимости, так как фактически подразделяет граждан многонациональной России на «наших» и «чужих».

Такого рода практика ставит под сомнение статус «традиционных» Церквей как институтов гражданского общества современной России, и как следствие, появляются протестные декларации оппозиционных, правозащитных организаций, позиционирующих себя как «третий сектор». «Всероссийский гражданский конгресс осуждает религиозную политику власти, коррумпированные государственно-конфессиональные отношения и их последствия: несоблюдение принципа правового равенства религиозных объединений; нарушения законных прав неверующей части общества; неправомерное воспрепятствование (или ограничение) деятельности религиозных организаций; рост насильственных акций со стороны «силовых» структур государства, направленных против членов религиозных объединений; рост насилия и актов вандализма на почве нетерпимости и ксенофобии; распространение в СМИ недостоверной и порочащей информации о деятельности религиозных

объединений. Особую озабоченность вызывают преследования мусульман и массовые нарушения прав родителей и детей на воспитание, образование и обучение, которое соответствует их религиозным и философским убеждениям»¹. Эта резолюция в защиту свободы совести 2006 г. Принцип отделения религиозных объединений от государства и запрет на установление какой-либо религии «в качестве государственной или обязательной», декларируемый ст. 14 Конституции РФ, остается на данный момент единственной гарантией от реинкарнации симфонии государственно-церковного альянса в его «дореволюционном» виде.

В. Куренной в своих исследованиях отмечает, что «к настоящему времени сложилась ситуация, конкретизирующаяся как эксклюзивное отношение государственной власти к одной православной организации — Русской Православной Церкви (она же Московская патриархия). Степень эксклюзивности этого отношения на сегодняшний день такова, что социальная идеология РПЦ допускает возможность (но не цель, которая при существующем положении дел формально была бы антиконституционной) возрождения «православного государства» [7].

Исследователи отмечают, что на сегодняшний день РПЦ стремится к сохранению такого положения, при котором она, не допуская вмешательства государства во внутренние дела, получает в то же время, хоть и не юридически, но фактически особый статус, с помощью властей решая собственные задачи, получая преференции и в сфере экономической деятельности, и даже в сфере формирования мировоззренческих ценностей и норм. Существуют достаточно радикальные воззрения, разделяемые частью наших сограждан и исследователей, которые нельзя не учитывать. Так, например, А. П. Назаретян пишет: «Пора осознать, что религиозные (и казирелигиозные — национальные, классовые) идеологии всегда служили механизмом объединения людей в большие группы за счет противопоставления другим людям. Поэтому их неизменным спутником оставалась реальная или потенциальная война. В ментальной матрице «они-мы» единственный прием для пресечения конкретной войны — перенос агрессии на общего врага. <...> «Религиозно-идеологический ренессанс», возврат к давно изжитым мировоззрениям — смертельная угроза для современного мира, и многоконфессиональная Россия рискует пасть одной

¹ Документы Всероссийской гражданской сети. URL: <http://www.civitas.ru/docs.php?part=68&code=46>.

из его жертв, если ученые, художники, журналисты и педагоги не смогут эффективно противостоять засилью идеологов клерикального толка...» [11, с. 142].

Процесс клерикализации светских институтов государства проявлялся первоначально, в 90-е гг. XX в., с «невинных» и незаконных предпочтений, культовых, зрелищных ритуалов РПЦ, которые власть выделяла из ряда других религиозных конфессий. Чуть позже — та же практика в отношении мусульманских общин, особенно в республиках, где превалирует число их сторонников — Татарстан, Башкирия, республики Северного Кавказа.

Власть продолжила политику благосклонных публичных предпочтений конкретными экономическими шагами навстречу РПЦ. В собственность РПЦ были переданы особо ценные памятники истории и культуры, объекты недвижимости, земли, произведения искусства, являющиеся достоянием мировой и отечественной культуры, то есть де-факто происходила необъявленная реституция церковного имущества. «Сегодня ситуация с экономической деятельностью РПЦ такова, что к ней, как к влиятельной в политическом отношении структуре, налоговые и правоохранительные органы проявляют «уважение», фактически отказываясь рассматривать ее денежные потоки как источник пополнения государственной казны. Более того, в России, как и в странах СНГ, Церковь и другие зарегистрированные религиозные организации пользуются большим количеством налоговых льгот. Понятно, что для изменения такой ситуации на самом вершине «пирамиды» власти должно быть принято политическое решение, что в нынешней ситуации вряд ли возможно» [14, с. 166], — констатирует Ж. Т. Тощенко, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», в своем исследовании, посвященном анализу экономической деятельности «традиционных» религиозных организаций современной России.

В сентябре 2004 г. Государственная Дума РФ приняла поправки к Земельному кодексу, согласно которому теперь уже все религиозные организации, собственники зданий и сооружений религиозного и благотворительного назначения, получали земельные участки бесплатно¹. Если же религиозные организации не собственники тех зданий, которые они занимают, то земельные участки предоставляются в безвозмездное пользова-

ние на время использования зданий. Более того, продолжается деятельное материальное участие государства в восстановлении храмов и других религиозных учреждений. Не отрицая необходимости участвовать в реставрации храмов, такие шаги не всегда объективно соотносятся с существующими социальными потребностями населения, поскольку при достаточно серьезных затратах на их восстановление не реализуются базовые социальные потребности паствы Церковей — не ремонтируются своевременно школы, закрываются нерентабельные больницы, ликвидируются дорожные маршруты, не обустроивается городская инфраструктура.

В ноябре 2010 г. Президент Российской Федерации подписал закон о возвращении имущества религиозного назначения религиозным организациям². В российской прессе этот процесс был назван термином «реституция», хотя многие эксперты ставили под сомнение его корректность.

Интересную статистику передачи в собственность религиозным организациям дает журналист Антон Мухин (табл. 1)³.

Как можно увидеть, наибольшее количество объектов религиозным организациям было передано в 2012 и 2016 гг. Обращаясь к наиболее резонансным случаям передачи имущества, стоит вспомнить историю с Исаакиевским собором, в которой до сих пор не поставлена точка. Петербургская епархия обратилась к властям Санкт-Петербурга с просьбой передать Исаакиевский собор церкви в безвозмездное пользование еще в 2015 г. Однако в 2017 г., после начавшихся протестных акций, городские власти переиграли ситуацию и долгое время она оставалась подвешенной. В январе 2019 г. распоряжение городских властей, предусматривающее возможность передачи объекта РПЦ, утратило силу. Планы строительства православного храма в центре Екатеринбурга так же вызвали непонимание и неприятие жителей этого мегаполиса.

Под знаком возрождения позитивных религиозных морально-нравственных ценностей церковные иерархи добились ощутимых уступок со стороны государства. Как утверждает исследователь экономической деятельности РПЦ Н. Митрохин, «церковь

² О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности : Федер. закон от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5353. 3 дек.

³ Мухин А. Страсти имущественные. Сколько недвижимости получила церковь. URL: https://www.dp.ru/a/2018/12/05/Strasti_imushhestvennie.

Таблица 1

Количество объектов, переданных религиозным организациям

Год	Количество объектов, переданных религиозным организациям
2011	3
2012	19
2013	5
2014	3
2015	14
2016	19
2017	6
2018	7

(РПЦ — *прим. авт.*) фактически превратилась в грандиозный экстерриториальный оффшор, осуществляющий самостоятельную финансовую, производственную деятельность и располагающий огромными возможностями для оказания услуг по отмыванию денег теневого и криминального секторов экономики. Сейчас в России, на Украине и в Белоруссии правоохранительные органы, публично подписывая с иерархами договоры о взаимодействии, за глаза обвиняют РПЦ в том, что она стала «крупнейшей сетью сбыта теневого золота» и сотрудничает в экономической сфере с сомнительными бизнесменами» [9]. Его вывод базируется на обширном фактологическом материале, изложенном в монографии «Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая».

Несколько по-иному эти процессы происходят в экономике, называемой исламской. Еще в 70-х гг. прошлого века появился исламский банковский бизнес, который претендует на то, что он «строится на принципах шариата». К началу XXI в. в 40 странах мира (в том числе и в России) функционировали около 200 исламских банков, активы которых росли на 15 % в год, т. е. основные активы мусульманских общин функционировали посредством банковской среды.

В разговоре об экономических притязаниях религии, стоит привести выдержку из статьи, опубликованной в «Независимой газете», где было отмечено, что «в период советской власти, государство СССР через финансовую инспекцию и контролируемые местными властями приходские советы Церквей владело ситуацией и способствовало поддержанию налоговой «пирамиды»: «приход — епархия — патриархия»; если основные деньги Церкви хранились в госбанке, то их перечисление вверх по «пирамиде» шло проще и «прозрачнее»¹.

¹ Экономические притязания религии. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2009/07/06/42244-ekonomicheskie-prityazaniya-religii>.

В начале 90-х гг. XX в. приход, епархия и патриархия РПЦ вышли из подчинения жесткой финансовой вертикали и приобрели самостоятельные источники дохода. Каждый приход (монастырь), епископ (епархия), не говоря о патриархии, разрабатывают собственные коммерческие проекты, имеет устойчивый круг спонсоров (благотворителей), оптимизация налогов. Кроме того, российское законодательство освобождает религиозные организации от установки кассовых аппаратов в церковных лавках и храмах, а также разрешается не выписывать чеки при проведении религиозных церемоний, подлежащих оплате, которые проводятся вне стен храма.

Экономические реформы в России, именуемые «рыночными», повлияли в том числе и на повседневную деятельность церкви. Выступая на Епархиальном собрании Москвы в декабре 2004 г., патриарх Алексий II говорил: «Тревожным признаком обмирщения православного сознания, умаления церковности, духовного ослепления является все усиливающаяся коммерциализация многих сторон приходской жизни. Материальная заинтересованность все чаще выходит на первое место, заслоняя и убивая собой все живое и духовное. Нередко храмы, подобно коммерческим фирмам, торгуют «церковными услугами». По его мнению, причина в следующем: «Духовенство — это люди, которые были воспитаны в нашей стране и нашем обществе. И, к сожалению, негативные черты и веяния времени присущи и им. Некоторые священники просто поражают негативными примерами, которые подают вокруг. И иногда не вполне подходящим для церкви образом пытаются находить нужные им, пусть и на благое дело, средства»².

Пытаются усилить экономические притязания и служители ислама. Так, под их

² Петров А. Как противостоять мамоне? // НГ-религия. 2005. № 1. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2005-01-19/2_golovkov.html.

давлением, в 2008 г. Государственный совет Татарстана выступил с инициативой по введению в федеральное законодательство понятие «вакуф». Под вакуфом понимаются все неотчуждаемые средства и имущество, принадлежащие мусульманской общине, вся прибыль от них идет исключительно на религиозные нужды. Ключевая особенность вакуфа в том, что он не облагается налогом и в это имущество будут входить не только культовые сооружения и земли, но и квартиры, дома и производство, подаренные бывшими владельцами мусульманской общине¹.

Данная инициатива была оценена экспертным сообществом довольно неоднозначно, многие говорили о том, что введение данного понятия в федеральное законодательство излишним, поскольку федеральный Закон регулирует вопросы владения недвижимостью объединенными объединениями, которые могут заниматься коммерческой и иной экономической деятельностью, не запрещенной законом, и прибыль от которой обращается на уставные цели.

Известный востоковед РАН Р. Беккин отмечал, что в России мусульмане и мусульманские духовные лидеры не всегда ясно понимают назначение вакфа, забывая о том, что вакуфное имущество не передается в собственность религиозных организаций и лишь доход от него может быть использован в их интересах [2, с. 292—299]. Кроме того, по его мнению, нередко вакф воспринимается как фонд для финансирования различного рода текущих расходов мечети и мусульманского духовенства. Вместе с тем, он признает наличие перспектив для возрождения института вакуфа. А постановку вопроса о необходимости введения в федеральное законодательство понятия «вакуф» считает важной в контексте проблемы возвращения мусульманам изъятой после Октябрьской революции вакуфной собственности. Но, наряду с этим он отмечает: «даже если предположить, что понятие «вакф» будет введено в федеральное законодательство, это не дает гарантии возвращения мусульманам изъятой после революции вакуфной собственности — большинство документов об учреждении вакфов не сохранилось» [1, с. 105].

В итоге Министерство финансов Российской Федерации констатировало факт того, что вопрос неотчуждаемого имущества ре-

лигиозных организаций законодательно не урегулирован. Реакции со стороны федеральных властей не последовало.

Н. Митрохин отмечает, что «в экономическом отношении Русская Православная Церковь представляет собой гигантскую корпорацию, объединяющую под единым названием десятки тысяч самостоятельных или полусамостоятельных экономических агентов. Точное число этих агентов определить невозможно, но только по официальным данным РПЦ имеет не менее 19 тысяч приходов, каждый из которых зарегистрирован как самостоятельное юридическое лицо, и примерно такое же число священников. Кроме того, есть еще приблизительно 500 монастырей, около 130 епархиальных управлений, а также неизвестное число коммерческих структур, действующих при храмах или контролируемых отдельными священниками» [8].

Обобщая, стоит отметить, что для всех уровней церковной иерархии характерны три ключевые группы источников дохода: реализация товаров и услуг религиозного характера, благотворительность, коммерческая деятельность. Как правило, первые вопросы две не вызывают. А вот коммерческая деятельность обычно служит предметом полемики и трактуется в российском обществе весьма неоднозначно. Тем более, в контексте субъектности Церквей как элементов гражданского общества.

Согласно российскому закону «О свободе совести и религиозных объединениях», религиозные организации вправе осуществлять экономическую деятельность. И по закону прибыль от этой деятельности должна направляться на решение уставных задач организации, то есть на отправление богослужений, благотворительную и миссионерскую деятельность, а не на распределение среди участников этой деятельности².

В последнее время в религиозной жизни страны явно доминирует Русская Православная Церковь благодаря активности Патриарха Кирилла, затеняющего на информационном поле прочих духовных лидеров. Глава РПЦ гораздо заметнее других глав конфессий по всему спектру политического, социального, духовного поля, периодически выступает с речами, дает оценки, которые потом активно комментируют политологи, журналисты. Дошло до того, что лидера российского православия начали называть

¹ Госсовет Татарстана намерен внести понятие «вакуф» в законодательство РФ // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/regions/2008-06-23/8_kazan.html.

² О свободе совести и о религиозных объединениях : Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // Российская газета. № 6644 (73).

третьим в стране политиком. Интересно, что в рейтинге 100 наиболее влиятельных политиков России, который ежемесячно публикует Агентство политических и экономических коммуникаций Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл по итогам марта 2019 г. занимает 27 строчку, с баллом влияния 4,75 и находится в разделе «Сильное влияние»¹. Отметим, что экспертам задается вопрос в формулировке: «Как бы вы оценили по шкале от 1 до 10 влияние в администрации президента РФ, правительстве РФ, Федеральном собрании РФ следующих российских политиков?». Итоговый рейтинг — консолидированная оценка лидерами российского экспертного сообщества влияния 100 российских политиков.

В рейтинге доверия общественным институтам, который в мониторинговом режиме замеряется Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), РПЦ занимает второе место после российской армии, а по уровню неодобрения находится на предпоследнем месте².

Политическая партия «Единая Россия», являющаяся лидером по уровню доверия и электоральной поддержки, что подтверждается рейтингами ВЦИОМ³, неоднократно делала заявления о предварительных консультациях с РПЦ по ряду вносимых законопроектов, которые выходят далеко за рамки свободы совести и вероисповедания. Возникает вполне справедливый вопрос: неужели РПЦ более компетентна, авторитетна, представительна нежели, предположим, Общественная палата РФ. Оживляются острые дискуссии о первенстве во вселенском православии Московского патриархата, на фоне получения автокефалии части Украинской Православной Церкви.

Вполне симфонично активизируется деятельность другой, достаточно многочисленной исламской «традиционной конфессии». Глава совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин напомнил о миллионах российских мусульман. «Тех, кто считает, что Россия — только православное государство и должны жить в России только русские, я считаю врагами нашего государства!» — сказал глава СМР на пресс-конференции, посвященной международной конференции

«Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности»⁴

Иногда создается впечатление, что муфтии стремятся догнать Русскую Православную Церковь, своими действиями и заявлениями пытаются оспорить претензии православия на определенные преференции перед государством. Так, например, планы РПЦ строить храмы в каждом районе Москвы вызвали немедленную реакцию мусульманской общины. Как отмечает Андрей Мельников, «этот аргумент обращается в руках их мусульманских оппонентов в грозное оружие. Некоторые спальные районы столицы, прежде всего на востоке, стали подобием этнических кварталов выходцев из исламских республик России и стран СНГ. Уровень религиозности мусульман, как считается, гораздо выше, чем православных верующих. Мечети и впрямь переполнены, особенно на празники»⁵. И вот, выступая на конференции «Россия и исламский мир: партнерство во имя стабильности», мэр Москвы высказывался за строительство мечетей в каждом округе столице. Стоит Патриарху Кириллу заговорить об «общем духовном пространстве» восточнославянских стран, как муфтий Равиль Гайнутдин выдвигает версию о том, что нынешняя Россия обязана своей государственностью Золотой Орде. Патриарх говорит о славянском единстве, муфтий — о тюркском. Патриарх собирает у себя послов арабских стран и готовится к визиту в Египет, речам муфтия на международной исламской конференции аплодируют представители этих же самых стран»⁶.

Обращаясь к социологическим инструментам, возможно выявить, насколько религиозность, фактор вероисповедания, отношение к церкви влияют на гражданское самосознание граждан, и, опираясь на эмпирический материал, выяснить, насколько правомерно причислять Церковь к институтам гражданского общества. Кроме того, выяснить, влияют ли, по мнению населения, традиционные религиозные объединения на политику российской власти. В качестве эмпирической базы мы использовали данные социологических исследований различных социологических центров с разной географией опросов.

Начиная разговор о факторе вероисповедания как катализаторе гражданской

¹ Рейтинг влияния 100 ведущих политиков России в марте 2019 года. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=100&ELEMENT_ID=5282.

² Деятельность общественных институтов. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennykh_institutov.

³ Рейтинг политических партий. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=171>.

⁴ Выступление председателя Совета муфтиев России. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=authority&id=1247>.

⁵ Мельников А. Кремлевские звезды и Полумесяц // НГ-религия. 2009. № 17. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2009-10-07/1_muslims.html.

⁶ Там же.

активности (пассивности) россиян и представителей регионального сообщества, как призму, через которую респонденты оценивают состояние гражданского общества, нельзя не подчеркнуть, что, отвечая на вопрос о вероисповедании, одни это делали продуманно и прочувствованно, особенно те, кто принимал крещение самостоятельно в сознательном возрасте, другие, потому что были крещены при рождении, в том числе — по семейной традиции, третьи позиционировали себя сиюминутно, частично по национальному признаку (например, раз русский, значит, православный, если татарин, то ислам, а если еврей, значит, иудаизм и пр.), а частично — по прихотливости вкуса, настроения. Кто-то, как С. Капица, ощущал себя «православным атеистом»¹. Впрочем, это предмет интереса иной отрасли научного знания — психологии веры. А для понимания и интерпретации социологических данных это означает, что в принципе к ним не следует относиться как к точному слепку действительного положения вещей, а в вопросах веры — особенно. Этот тезис подтверждают общероссийские данные социологических исследований уровня религиозности различных конфессий.

По данным исследования фонда «Общественное мнение», 65 % россиян относят себя к православным, 7 % исповедуют ислам, 1 % — другие христианские конфессии (католики, протестанты, униаты, баптисты и др.) и еще 1 % — другие конфессии. Примечательно, что каждый пятый (21 %) не считает себя верующими, а еще 5 % опрошенных затруднились ответить на вопрос о своем вероисповедании, не смогли назвать определенную конфессию². Отметим, что за 6 лет, прошедших с момента предыдущего замера, сократилось число неверующих (на 4 процентных пункта) и возросло число тех, кто разделяет верования наиболее представленных в России религий — православия и ислама.

В исследовании, проведенном Фондом «Общественное мнение» в 2013 г., социологами был рассчитан и индекс воцерковленности в доминирующей религии — православии³. Респонденты были поделены на группы: воцерковленные (12 % от пра-

вославных), полувоцерковленные (33 %), немного воцерковленные — начинающие (31 %), слабо воцерковленные (16 %), очень слабо воцерковленные (8 %). Таким образом, доминирующей группой является группа полувоцерковленных православных, которая за период проведенными замерами, длиной в 13 лет (с 2000 по 2013 гг.) демонстрирует рост на 3 процентных пункта, группа воцерковленных выросла на 1 процентный пункт.

Обращаясь к социально-демографическим характеристикам и территориальным особенностям, отметим, что к православным себя относят в большей степени женщины (+ 6 %⁴ к средним по массиву распределениям данных), респонденты в возрасте 31—45 лет (+ 4 %) и 45—60 лет (+ 4 %), население Москвы (+ 6 %). А среди тех, кто не считает себя верующим человеком, преобладают мужчины (+ 6 % к средним по массиву распределениям данных), респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 5 %), население городов-миллионников (+ 5 %) и малых городов (+ 5 %). Однако данное исследование было проведено в 2013 г. и в настоящий момент ситуация может, хоть и некардинально, но измениться.

Однако вопрос вероисповедания — не единственный, волнующий нас. В рассмотрении Церкви как института гражданского общества интересны два момента — доверие институту Церкви и вопрос взаимодействия Церкви и государства.

Рассматривая вопрос доверия россиян к Церкви, обратимся к исследованию Фонда «Общественное мнение». Респондентов спросили о доверии Русской Православной Церкви: «Вы доверяете или не доверяете Русской Православной Церкви?». Отметим, что группа доверяющих РПЦ составляет 66 % от общего числа опрошенных и в ней больше представлены православные (+ 15 +%), респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 12 %), имеющие среднее общее образование и ниже (+ 3 %). Тех, кто не доверяет РПЦ, меньше — 20 %, чаще это те, кто не считает себя верующим (+ 20 %), респонденты в возрасте 46—60 лет (+ 10 %), имеющие высшее образование (+ 4 %).

Далее обратимся к анализу вопроса о влиянии РПЦ на общественную жизнь и ее вмешательству в те или иные сферы общественной жизни. Рассмотрев распределения ответов респондентов на вопрос: «По вашему мнению, сегодня РПЦ влияет или не влияет на общественную жизнь стра-

¹ Код да истина // Российская газета. 2007. № 4433. 7 авг.

² Отношение к РПЦ и патриарху. О вероисповедании и динамике отношения к РПЦ // Пресс-выпуск фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/14178>.

³ Воцерковленность православных // Пресс-выпуск фонда «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/TSennosti/11587>.

⁴ Здесь и далее — показывается превышение среднего значения данных в целом по массиву.

ны? И если влияет, то положительно или отрицательно?», отметим, что большинство респондентов отмечает положительное влияние (47 %), более чем каждый пятый (22 %) считают, что РПЦ не влияет на общественную жизнь страны, еще 10 % отмечают ее отрицательное влияние. Интересно, что о положительном влиянии чаще говорят православные (+ 9 %), а неверующие — о негативном влиянии (+ 10 %) и его отсутствии (+ 3 %).

И еще один момент, заслуживающий внимания в рассматриваемом исследовании, — распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вам кажется, бывает или не бывает так, что РПЦ вмешивается в те сферы общественной жизни, в которые вмешиваться не должна? И если такое бывает, то, на ваш взгляд, часто или редко?». Большинство опрошенных (29 %) считают, что такого не бывает. И чаще так говорят респонденты в возрасте 45—60 (+ 7 %) и старше 60 лет (+ 7 %). Следующая по упоминаемости позиция — бывает редко, которую выбрали 27 % опрошенных, больше в этой группе респондентов в возрасте 31—45 лет (+ 7 %), респонденты с высшим образованием (+ 3 %). Считающих, что РПЦ вмешивается в те сферы общественной жизни, в которые вмешиваться не должна, 14 % респондентов. И это, как правило, респонденты в возрасте 18—30 лет (+ 3 %), имеющие высшее образование (+ 4 %). Отметим также, что в качестве примеров вмешательства чаще всего приводится вмешательство в сферу искусства, возражения против выставок, спектаклей, фильмов (6 %), а также вмешательство в политику (2 %).

В контексте полученных данных особый исследовательский интерес представляет исследование, проведенное Челябинским филиалом РАНХиГС, позволившее выявить оценку степени влияния на политику тради-

ционных религиозных объединений, в ходе проведения которого респондентам был задан вопрос: «На Ваш взгляд, оказывают ли влияние на политику российских властей традиционные религиозные объединения России? И если оказывают, то сильное или слабое влияние?». Взяв во внимание профессиональный состав населения региона, для оценки были предложены два наиболее распространенных института — Русская Православная Церковь и Духовное управление мусульман России (табл. 2).

Исследование выявило очень интересные тенденции в общественном сознании. Так, например, оценивая влияние на политику российских властей Русской Православной Церкви, 63 % опрошенных выражают мнение, что она оказывает влияние на политику. Вместе с тем, сильным это влияние считают лишь 30,2 %, еще 32,8 % называют его слабым. Анализируя социальную-демографические характеристики респондентов, стоит отметить, что сильным влияние чаще считают мужчины (+ 4,8 %), респонденты в возрасте до 30 лет (+ 4,1 %), и челябинцы, выбравшие на вопрос о том, верования какой религии они разделяют, позицию «никакой» (+ 5,2 %). О слабом влиянии чаще говорят респонденты с высшим образованием (+ 6,4 %), а также те, кто исповедует православие (+ 4,8 %).

Об отсутствии влияния заявили 20,5 %, то есть это пятая часть респондентов, чаще к ним относятся информанты с общим средним, специальным и неполным высшим образованием (+ 4,9 %) и респонденты, исповедующие православие (+ 5,7 %).

По-иному распределились ответы жителей Челябинска при оценке влияния Духовного управления мусульман России на политику российских властей. При оценке этого религиозного института сильным влияние назвали гораздо меньшее число опрошенных — 16 %, чаще так говорили мужчины

Таблица 2
Оценка респондентами влияния на политику российских властей традиционных религиозных объединений России

Русская Православная Церковь	
Оказывают сильное влияние	30,2
Оказывают слабое влияние	32,8
Не оказывают влияния	20,5
Затрудняюсь ответить	16,5
Духовное управление мусульман России (институты ислама)	
Оказывают сильное влияние	16,0
Оказывают слабое влияние	32,3
Не оказывают влияния	22,0
Затрудняюсь ответить	29,7

(+ 14,6 %), респонденты в возрасте старше 30 лет (+ 12,4 %), по социальному положению — работающие пенсионеры (+ 4,2 %) и респонденты, исповедующие православие (+ 5,8 %). Большинство принявших участие в опросе назвали влияние институтов ислама на политику российских властей слабым (32,3 %). В данной группе респондентов представлены челябинцы с высшим образованием (+ 8,6 %) и респонденты, исповедующие ислам (+ 5,7 %). О том, что религиозные институты ислама не оказывают влияния на политику российских властей, сказали 22 % респондентов. В этой группе — челябинцы в возрасте до 30 лет (+ 6,5 %), информанты с общим средним, специальным и неполным высшим образованием (+ 8,3 %), по социальному положению — индивидуальные предприниматели, руководители организаций (+ 4,1 %).

Для полноты картины стоит привести и данные федеральных исследовательских центров, посвященных вопросам отношений Церкви и государства. Мониторинговое исследование, проведенное «Левада-Центром»¹, фиксирует достаточно интересные тенденции. Так, например, при ответе на вопрос: «Как вы считаете, должна ли церковь оказывать влияние на принятие государственных решений?» мы можем наблюдать последовательное сокращение респондентов, гово-

¹ Церковь и государство // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/19/tserkov-i-gosudarstvo-2>.

рящих о необходимости такого и влияния и рост тех, кто считает, что церковь не должна оказывать влияние на принятие государственных решений (табл. 3).

Если в 2005 г. респондентов, считающих, что церковь должна оказывать влияние на принятие государственных решений, было 42 % (сумма позиций «определенно да» и «скорее да»), то в 2016 их осталось лишь 24 %. Группа респондентов, полагающих, что церковь не должна оказывать влияние на принятие государственных решений, в 2005 г. было 51 % (сумма позиций «скорее нет» и «определенно нет»), то в 2016 их стало уже 66 %.

Интересны и распределения ответов респондентов на вопрос: «Как Вы считаете, следует ли российским властям руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями?» (табл. 4).

Если в 2005 г. респонденты делились на две практически равные группы (43 % считающих, что российским властям следует руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями против 46 % информантов, придерживающихся противоположной точки зрения), то в 2016 г. эти группы соотносятся иначе: 31 % против 57 %. Однако максимальное количество тех, кто считает, что российским властям не следует руководствоваться в своих действиях религиозными убеждениями, было зафиксировано в 2007 г.

Еще один вопрос «Левада-Центра» был направлен на выявление степени участия

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как вы считаете, должна ли церковь оказывать влияние
на принятие государственных решений?»**

Ответ	2005	2007	2012	2013	2016
Определенно да	16	7	6	5	6
Скорее да	26	22	20	21	18
Скорее нет	27	33	37	39	38
Определенно нет	24	28	28	26	28
Затруднились ответить	8	10	10	10	9

Таблица 4

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы считаете, следует ли российским властям руководствоваться
в своих действиях религиозными убеждениями?»**

Ответ	2005	2007	2012	2013	2016
Определенно да	13	6	5	4	7
Скорее да	30	23	22	30	24
Скорее нет	26	31	31	32	31
Определенно нет	20	27	26	21	26
Затруднились ответить	11	14	15	13	13

Церкви в общественной жизни. И здесь, в контексте рассматриваемой тематики, нас заинтересовала позиция «Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь», полученная при ответе на вопрос: «Какую роль, по вашему мнению, должны играть в общественной жизни России церковь, религиозные организации?» (табл. 5).

Как можно увидеть, отмечается волнообразная динамика и показатель, фиксируемый по данной позиции в последнем замере, соответствует картине 2008 г.

Итак, социологические опросы фиксируют факт влияния религиозных институтов как на общественную жизнь, так и на политику российских властей. Причем в разговоре о РПЦ этот фактор видится общественности наиболее выраженным. Кроме того, фиксируются определенные социально-демографические особенности в каждой из групп респондентов, разделяющих ту или иную позицию. И, конечно, самые заметные корреляции связаны с фактором вероисповедания.

В контексте обсуждаемой в статье темы о Церкви как субъекте гражданского общества, логично задать вопросом об оценке факта влияния религиозных институтов на общественную жизнь и политику российских властей. Однако это уже совершенно иная плоскость и дополнительная исследовательская задача, которая в приведенном в качестве эмпирического материала исследовании не ставилась. И если рассматривать полученные результаты с точки зрения того, что Церковь — субъект гражданского общества, то наличие влияния и на различные сферы общественной жизни, и на политику российского государства — несомненно позитивный факт, особенно если принять

во внимание, что религиозные ценности связаны с формированием позитивных моральных устоев и норм. Однако можно взглянуть на этот вопрос с другой стороны и предположить, что влияние заключается в том, что власть использует Церковь для решения своих политических задач, в том числе и для укрепления легитимности, Церковь, по сути, вступает в сговор с властью. И этот посыл уже может быть рассмотрен как весьма тревожная тенденция, ставящая под сомнение корректность отнесения Церкви к субъектам гражданского общества.

Обобщая всю полученную информацию и исходя из заявленных в начале статьи институциональных признаков, мы можем отметить тот факт, что часть из них присутствуют в полной мере, другие — не в полной мере.

Так, например, момент независимости от государства можно оспорить, взяв во внимание и результаты опросов общественного мнения и экономические основы деятельности Церкви. Однако налицо имеющаяся легальная основа деятельности, соответствие нормам прав, законодательства государства. Вопрос социальности, «направленности на общественное благо», социальное партнерство с государством — тоже вопрос весьма дискуссионный, учитывая приведенные в статье факты.

А вот горизонтальный характер связей — это та характеристика, которая, пожалуй, присутствует в полной мере, как и гражданственность, солидарность, доверие, «уважение к иному», самореализация, активность, инициативность. И это именно те характеристики, которые позволяют назвать Церковь полноправным субъектом гражданского общества.

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Какую роль, по вашему мнению, должны играть в общественной жизни
России церковь, религиозные организации?»**

Ответ	1991	1998	2008	2012	2013	2016
Вообще не должны вмешиваться в общественную жизнь	8	11	15	13	11	15

1. Беккин Р. И. Институт ваффа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2008. Вып. 3.

2. Беккин Р. И. Исламская экономическая модель и современность. М. : Марджани, 2010. 352 с.

3. Грудцына Л. Ю. Церковь как институт гражданского общества и ее роль в реализации конституционных прав и свобод человека // Право и жизнь. 2007. № 113 (7).

4. Грудцына Л. Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12 (1).

5. Грудцына Л. Ю. Церковь как связующее звено между гражданским обществом и государством в России // Адвокат. 2007. № 9.

6. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Структурные связи системы гражданского общества и сформированность его институтов // Социум и власть. 2016. № 6.

7. Куренной В. А. Власть и Церковь: мотивы и перспективы сближения // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1> (дата обращения: 14.06.2019).

8. Митрохин Н. А. Экономика Русской Православной Церкви // Отечественные записки. 2001. № 1 (1). URL: <http://www.strana-oz.ru/2001/1> (дата обращения: 14.06.2019).

9. Митрохин Н. А. Русская Православная Церковь как субъект экономической деятельности // Вопросы экономики. 2003. № 8.

10. Митрохин Н. А., Эдельштейн М. Ю. Экономическая деятельность Русской Православной Церкви и ее теневая составляющая / отв. ред. и авт. предисл. Л. М. Тимофеев. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000.

11. Назаретян А. П. Терроризм, религия и задачи современного воспитания // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 142.

12. Пудов В. Роль верующих и церкви в построении гражданского общества. URL: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html> (дата обращения: 12.05.2019).

13. Рудыка Н. А. Церковь как субъект гражданского общества и объект государства // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 2 (49). С. 68.

14. Тощенко Ж. Т. Экономические притязания религии // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 166.

15. Третьяков А. В. Политико-правовые отношения Российского государства и Русской Православной Церкви : дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 17.

16. Третьяков А. В. Политико-правовые отношения российского государства и Русской Православной Церкви. М., 2004. С. 3.

References

1. Bekkin R.I. (2008) *Vestnik SPbGU*, ser. 5, iss. 3 [in Rus].

2. Bekkin R.I. (2010) *Islamskaja jekonomicheskaja model' i sovremennost'*. Moscow, Mardzhani Publ., 352 p. [in Rus].

3. Grudcyna L.Ju. (2007) *Cerkov' kak institut grazhdanskogo obshhestva i ee rol' v realizacii konstitucionnyh prav i svobod cheloveka. Pravo i zhizn'*, no. 113 (7) [in Rus].

4. Grudcyna L.Ju. (2007) *Sovremennoe pravo*, no. 12 (1) [in Rus].

5. Grudcyna L.Ju. (2007) *Advokat*, no. 9 [in Rus].

6. Zyrjanov S.G., Lukin A.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 [in Rus].

7. Kurennoj V. A. (2001) *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (1). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2001/1>, accessed 14.06.2019 [in Rus].

8. Mitrohin N.A. (2001) *Otechestvennye zapiski*, no. 1 (1). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2001/1>, accessed 14.06.2019 [in Rus].

9. Mitrohin N.A. (200) *Voprosy jekonomiki*, no. 8/

10. Mitrohin N.A., Jedel'shtejn M.Ju. (2000) *Jekonomicheskaja dejatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi i ee tenevaja sostavljajushhaja*. Moscow, Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ. [in Rus].

11. Nazaretjan A.P. (2011) *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 142 [in Rus].

12. Pudov V. Rol' verujushhij i cerkvi v postroenii grazhdanskogo obshhestva. Available at: <http://www.baznica.info/pagesid-917.html>, accessed 12.05.2019 [in Rus].

13. Rudyka N.A. (2015) *Poisk: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura*, no. 2 (49), p. 68 [in Rus].

14. Toshhenko Zh.T. (2009) *Jekonomicheskie pritzazanija religii. Sociologicheskie issledovanija*, no. 1, p. 166 [in Rus].

15. Tret'jakov A.V. (2004) *Politiko-pravovye odnoshenija Rossijskogo gosudarstva i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Thesis. Moscow, p. 17 [in Rus].

16. Tret'jakov A.V. (2004) *Politiko-pravovye odnoshenija Rossijskogo gosudarstva i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. Moscow, p. 3 [in Rus].

For citing: Osipov O.V., Averyanova D.V.
Institution of the Church as a subject
of civil society in modern Russia //
Socium i vlast' 2019. № 3 (77). P. 15—29.

UDC 316.42

INSTITUTION OF THE CHURCH AS A SUBJECT OF CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA

Oleg V. Osipov,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Deputy Director of the branch,
Associate Professor of the Department Chair
of Political Science, History and Philosophy,
Cand.Sc. (History),
The Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: osipov@chel.ranepa.ru

Darya V. Averyanova,

The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Analyst, Research Fellow of the Laboratory
of Applied Political Science and Sociology
The Russian Federation,
454077, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: bdv@chel.ranepa.ru

Abstract

Introduction. The ongoing sociocultural transformations determine the fact that, at present, the problem of developing relations between the Russian state and traditional religious associations is becoming one of the most relevant trends for Russian society. That is why the article raises the issue of the role and place of the Church in the life of Russian society and the institution of the Church (the priority of consideration is the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate - hereinafter the ROC) is considered and analyzed as a subject of civil society. The authors consider the key trends of relations between the state

and traditional religious associations represented in Russia.

Scientific novelty of the research: The scientific novelty is due to the combined study of the role and place of the Church in the structure of civil society, changes in the degree of church participation in various spheres of state and public life. Phenomenological analysis makes it possible to consider how correctly attributing the Church to the subjects of civil society, as exemplified in sociological researches, the role and place of the Church in the structure of civil society is demonstrated, the dominant point of view about the influence of the Church on public life and the policy of the Russian state is recorded in public consciousness.

The aim of the article is, on the basis of legislation and sociological research data analysis, reveal the role of the Church in the structure of Russian civil society, show what makes the Church related to civil society and what makes them alien to each other, what they have in common, apart from the fact that they are social institutions and their system differences; to demonstrate how the relations of the state and traditional religious associations are built in the conditions of modernity.

Methods: phenomenological analysis, essential and system analysis, generalization of independent characteristics, social study.

Results: The analysis fixes the role and place of the institution of the Church in the subjectivity of civil society; the analysis of sociological research data demonstrates the prevalence in the public consciousness of the opinion that the Church to some extent influences not only public life, but also the policy of the Russian state. The analysis of the trends in the development of Russian society and the state recorded the predominance of the influence of the Russian Orthodox Church among other Churches in public life.

Key concepts:

institution of the Church,
Russian Orthodox Church (ROC),
civil society,
subject of civil society,
social institution
traditional religious associations.